



# Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

XIV годъ  
изданія.

1908 г. 20 Іюля, № 29.

Цѣна годового изданія  
пять руб., а одного номера  
— 25 коп. съ пересылкой.

Адресъ: Г. Владикавказъ, Ре-  
дакція Епархіальныхъ вѣдо-  
мостей (при Дух. училищѣ).

## Официальная часть.

### Перемѣны по службѣ.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гедеономъ, Епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ, —

Заштатный священникъ Іоаннъ Габалаевъ командируется къ церкви сел. Цей съ правомъ полученія штатнаго казеннаго содержанія 1 іюля 1908 года.

Указомъ Св. Синода, отъ 18 іюня с.г. за № 7230, разрѣшено Владикавказскому Епархіальному Начальству снять съ священника Цейскаго прихода Георгія Васіева, согласно его прошенію, священныи санъ.

**Вопросы, предлагаемые Съѣзду духовенства отъ Праблекія Владикавказскаго Духовнаго училища.**

VIII., О недоимкахъ за благочиніями I и VIII-го и частью другіихъ округовъ. Вопросъ о недоимкахъ за церквами I и VIII-го и частью нѣкоторыхъ другихъ округовъ, составляющій

большое мѣсто училищнаго бюджета, былъ предложенъ на разсмотрѣніе прошлогодняго Съѣзда духовенства, но по неизвѣстнымъ причинамъ оставленъ безъ обсужденія. Въ истекшемъ 1907—8 учебномъ году Правленіе училища неоднократно обращалось съ просьбами къ благочиннымъ названныхъ округовъ объ уплатѣ слѣдуемыхъ за церквами взносовъ, а равно и двукратно обращалось за содѣйствіемъ въ Духовную Консисторію для воздѣйствія въ административномъ порядкѣ, но, къ сожалѣнію, безрезультатно... Даже болѣе того,—и это заявляютъ сами благочинные, что нѣкоторыя церкви (напр. Дербентская, Константино-Елененская г. Владикавказа) совершенно отказываются отъ уплаты взносовъ, считая это для себя якобы непосильнымъ бременемъ. Создается, такимъ образомъ, въ высшей степени странное положеніе: Съѣзды духовенства продолжаютъ дѣлать раскладки, а извѣстныя церкви преспокойно и регулярно уклоняются отъ всякаго платежа, хотя принципъ пропорціональности обложенія соотвѣтственно доходности каждой церкви, говоря безотносительно, ставить послѣднія въ этомъ отношеніи въ совершенно одинаковыя условія и, слѣдовательно, исключаетъ, повидимому, возможность предположенія, чтобы таковыя неисправныя церкви были противъ другихъ обложены неравномѣрно и неправильно. Скорѣе всего, наоборотъ, исходя изъ того, что какъ церкви эти съ настойчивостью игнорируютъ свои обязательства, не дѣлая взносовъ даже малыми частями, нужно заключить, что со стороны лицъ, вѣдающихъ хозяйствомъ церквей, такое уклоненіе отъ представленія взносовъ дѣлается едва ли не преднамѣренно и до нѣкоторой степени по простому попустительству... Въ свою очередь, благочинные двухъ названныхъ округовъ заявляютъ Правленію, что они не въ силахъ что-либо сдѣлать въ этомъ отношеніи для училища и вообще ограничиваются отпискою Правленію, что какъ нѣкоторыя церкви, несмотря на ихъ побужденія, взносовъ имъ на училище не платятъ, то они таковыхъ и не представляютъ училищу.

При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о недоимкахъ за наз-

ванными церквами пріобрѣтаетъ глубоко важное и, можно сказать, принципиально-симптоматическое значеніе въ силу именно прогрессивнаго возрастанія и хронически-неизмѣннаго накопленія таковыхъ,—не говоря уже о ненормальности самаго факта уклоненія данныхъ церквей отъ платежа узаконенныхъ взносовъ. Ибо отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, произойдетъ то, что бюджетъ Духовнаго училища (которое является въ этомъ дѣлѣ страдательной стороною), получая ежегодную недохватку суммъ противъ ассигнуемыхъ по смѣтѣ, рано или поздно долженъ понести дефицитъ, за послѣдствія котораго, отчасти, изъ-за небреженія однихъ, придется расплачиваться болѣе исправнымъ плательщикамъ или Епархіальному Свѣчному заводу. Если этого дефицита не послѣдовало въ 1906 и 1907 годахъ, то это благодаря, во 1-хъ, тому, что въ распоряженіи Правленія для покрытія расходовъ имѣлись такіе солидные сверхсмѣтные источники поступленій, какъ-то: суммы за правоученіе, поступающія въ размѣрѣ болѣе 700 рублей въ годъ; равно 0% по училищнымъ билетамъ на сумму 5600 рублей, давашіе болѣе 200 рублей въ годъ, а также суммы на первоначальное обзаведеніе и за обученіе музыкѣ,—каковыя всѣ суммы лишь съ 1908 года вошли въ составъ смѣтныхъ; во 2-хъ, благодаря тому, что въ училищѣ имѣлся нѣбольшой запасъ свободныхъ суммъ, скопленныхъ изъ остатковъ отъ денежныхъ операцій прежнихъ, болѣе благопріятныхъ, лѣтъ. Въ настоящее время, когда дѣйствующая въ 1908 году смѣта составлена съ возможно точнымъ опредѣленіемъ предположенныхъ расходовъ, а равно съ таковымъ же точнымъ исчисленіемъ источниковъ къ ихъ покрытію, всякаго рода недопоступленія денежныхъ суммъ противъ смѣты могутъ лечь тяжелымъ бременемъ на скромномъ училищномъ бюджетѣ. При чемъ, если училище все же не будетъ отступать отъ удовлетворенія своихъ настоящихъ и законныхъ потребностей, въ размѣрѣ утвержденной смѣты, то ему, разумѣется, придется встрѣтиться съ возможнымъ дефицитомъ—если не въ настоящемъ, то въ недалекомъ будущемъ времени.

Въ виду всего этого, Съѣзду надлежитъ заняться спеціальною цѣлью выясненія причинъ того, почему нѣкоторыя церкви задолжали училищу и продолжаютъ не платить установленныхъ взносовъ на содержаніе его. Далѣе: какія радикальныя мѣры необходимо предпринять для устраненія накопленія недоимокъ по церквамъ въ будущемъ? А равно: какимъ путемъ погасить образовавшіеся за сими церквами долги, хотя бы за два послѣднихъ года? И въ частности, такъ какъ если не церкви, то причты таковыхъ задолженныхъ церквей получаютъ вполне достаточное обезпеченіе, то не слѣдуетъ ли,—примѣнительно къ тому, что Уставъ духовныхъ училищъ возлагаетъ содержаніе училищъ прежде всего и главнымъ образомъ на средства самого духовенства (§ 2, 3 и 22, ст. 1-я), а равно и въ цѣляхъ побужденія духовенства къ исправнымъ взносамъ отъ церквей,—возложить на причты означенныхъ церквей поличныя налоги въ размѣрѣ, положимъ, 15 р. на священника, 10 р. штатнаго діакона и 5 руб. псаломщика (каковыя поличныя взносы существуютъ въ другихъ епархіяхъ, будучи устанавливаемы на Съѣздахъ духовенства). Быть можетъ, эта послѣдняя мѣра, ударяя по карману неисправныхъ изъ духовенства, побудитъ ихъ озаботиться представленіемъ узаконенныхъ взносовъ отъ церквей. Въ противномъ же случаѣ, неисправность въ платежѣ взносовъ, при отсутствіи всякой отвѣтственности, войдетъ въ порядокъ вещей и даже можетъ вызвать подражаніе со стороны другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ хозяйству церквей.

Самыя данныя о задолженности извѣстныхъ благочиній училищу за время 1906, 1907 и настоящаго 1908 г. г. будутъ показаны Съѣзду въ августѣ при его открытіи.

IX. О празднованіи юбилея 75-лѣтія училища. 30-го сентября будущаго 1909 г. истекаетъ 75-тилѣтіе Владикавказскаго, бывшаго Моздокскаго, Дух. училища. Событіе это предполагается ознаменовать особымъ торжествомъ,\* ) программа коего

\* ) Впрочемъ, празднованіе 75-лѣтія училища должно носить всеже частный характеръ, въ виду того, что по Высоч. утвержденному 6 февр. 1876 г. положенію Комитета Министровъ для учрежденій и заведеній сроками юбилейныхъ празднованій установлено — «истеченіе полныхъ полустолѣтій ихъ существованій».

можетъ быть намѣчена слѣдующая. 30-го сентябрю совершается заупокойная литургія съ поминовеніемъ усопшихъ дѣятелей и учениковъ училища, 1-го октября—архіерейскимъ служеніемъ торжественная литургія съ молебнымъ пѣніемъ. Въ тотъ же день состоится актъ, на которомъ имѣеть быть прочитана историческая записка объ училищѣ и будутъ заслушаны возможные привѣтствія. Послѣ чего присутствующимъ предложень будетъ на-радный обѣдъ. Къ торжеству приглашается прежде всего, конечно, Епархіальный Преосвященный, а затѣмъ Начальникъ области и представители духовенства, города и учебныхъ заведеній, а равно и бывшіе дѣятели училища, нынѣ совершающіе служебное поприще въ иномъ мѣстѣ или находящіеся въ отставкѣ. Вечеромъ имѣеть быть устроенъ ученической музыкально-вокальный вечеръ. Къ предстоящему торжеству слѣдуетъ приурочить и будущій Епархіальный Съѣздъ духовенства (такъ, чтобы онъ къ этому времени закончилъ свои занятія), въ лицѣ депутатовъ котораго будетъ представлено сельское духовенство на торжествѣ.

На устройство празднованія можно было бы употребить всѣ тѣ суммы (250—300 р.), которыя будутъ получены въ качествѣ процентовъ на наличныя училищныя деньги (по книжкамъ сберегательной кассы и по текущему счету), каковымъ суммамъ, по самой природѣ ихъ образованія, можно давать свободное назначеніе...

Въ ознаменованіе событія достойнымъ добрымъ дѣломъ можно бы предложить открыть при училищѣ „Попечительство о недостаточныхъ ученикахъ.“ О пользѣ и необходимости такого учрежденія при училищѣ, какъ Попечительство, излишне распространяться, когда большинство учебныхъ заведеній—какъ свѣтскихъ, такъ и нашихъ духовныхъ—если еще не завело, то старается заводить у себя таковыя общества. Средства попечительства можно бы составлять изъ членскихъ взносовъ (для почетныхъ членовъ—100 р. и пожизненныхъ—50 р., поступающихъ въ неприкосновенный капиталъ, и дѣйствительныхъ 2—3 р.), частныхъ пожертвованій и обязательныхъ единовременныхъ взносовъ при

поступленіи въ училище за производство приѣмныхъ испытаній (отъ 3 до 5 р.). Назначеніе Попечительства будетъ состоять въ томъ, чтобы оказывать въ томъ или иномъ видѣ денежную помощь бѣднымъ воспитанникамъ, не исключая и инословныхъ учениковъ (для коихъ епархіальныхъ стипендій не имѣется), — особенно тѣмъ изъ нихъ, которые среди прохожденія училищнаго курса становятся сиротами и принуждены иногда изъ-за недостатка средствъ оставить пріютившее ихъ учебное заведеніе. Конечно, необходимымъ условіемъ учрежденія попечительства и гарантіей за его успѣхъ и процвѣтаніе должно быть сочувствіе этому благому дѣлу епархіальнаго духовенства. Открытіе Попечительства нужно пріурочить къ торжественному юбилейному акту 1 октября.

X. О пріобрѣтеніи участка земли подъ садъ. Прошлогдній Съѣздъ духовенства журналомъ своимъ, отъ 20-го августа № 1, между прочимъ, постановилъ: «просить Правленіе училища снестись съ Владикавказской Городской Управой, на какихъ условіяхъ можетъ училище пріобрѣсти отведенный ему городомъ участокъ земли въ полную собственность, и тогда уже имѣть сужденіе объ эксплуатаціи этого участка».

Порученіе это, къ сожалѣнію, не могло быть выполнено Правленіемъ училища за нефункционированіемъ Владикавказской Городской Думы, подвергнутой кассаціи Сенатомъ и подлежащей переизбранію.

Смотритель училища, **Николай Чернавскій**.

Редакторъ, секретарь Консисторіи Н. И. Булаковъ.

## НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

### Второ-Аеонское всенощное бѣдніе.

*(Изъ путевыхъ замѣтокъ паломника).*

Нынѣшній годъ жизнь и частыя недуги забросили меня на весьма не продолжительное время на Кавказско-пятигорскую группу минеральныхъ

воду. Я приближался къ Пятигорску по желѣзной дорогѣ съ ясно опредѣленною мыслию—прежде всего посѣтить юный Второ-Аѳонскій Успенскій монастырь,—этотъ живописнѣйшій уголокъ русской религіозно-культурной жизни Кавказа. Оставивъ въ Пятигорскѣ душный вагонъ, нѣкоторое время отдыхалъ я на монастырскомъ здѣшнемъ подворьѣ, гдѣ готовится къ скорому освященію (19 іюля) домовый храмъ святаго и великаго пустынножителя Серафима Саровскаго. Итакъ, я снова подъ благодатнымъ освѣщеніемъ твоимъ, благоговѣнно чтимый отъ юности, преподобне отче Серафиме! Отдохнувъ съ дороги, пѣшкомъ направляюсь въ обитель, лежащую въ 6—7 верстахъ отъ г. Пятигорска и пріютившуюся у подножія г. Бештау, въ мѣстности восхитительной и трудно поддающейся описанію.

Дорога идетъ по различнымъ холмамъ, по которымъ то поднимаешься вверхъ, то опускаешься книзу. Всѣ горы Пятигорскаго края, прозваннаго „Скалистымъ Архипелагомъ“, вулканическаго происхожденія, потому что имѣющіяся на нихъ скалы разнообразнаго причудливаго вида состоятъ изъ огненной породы позднѣйшаго происхожденія, а именно,—изъ породы порфировой структуры по минералогическому составу, приближающейся къ трахитамъ, но представляющей собою типъ совершенно новый. Нельзя сказать, чтобы дорога отъ Пятигорска къ монастырю была особенно легка для пѣшехода, но трудъ пѣшехожденія съ лихвою искупается тѣми чарующими видами, которыя открываются предъ тобою въ такомъ изобиліи, что, право, не знаешь, на чемъ собственно слѣдуетъ остановить свое исключительное вниманіе, и что, въ свою очередь, слѣдуетъ пропустить. Вотъ предъ тобою справа отроги великой горы Бештау, покрытые зеленѣющимъ лѣсомъ мѣстной породы, среди котораго, какъ сказочныя твердыни какихъ-то невѣдомыхъ городовъ, высятся дикія скалы самой причудливой и фантастической формы. Слѣва—захватывающій духъ необъятный просторъ равнины съ богатѣйшими сѣножатями, а тамъ далѣе за нимъ—главный Кавказскій хребетъ съ царемъ Кавказа—двухглавымъ бѣлоснѣжнымъ Эльбрусомъ. Иду, часто присаживаясь на встрѣчающіяся по пути скамейки, и глазъ не могу оторвать отъ открывающихся предъ мною чудесъ природы. Но вотъ и обитель святая съ ея немногочисленными, но бѣлоснѣжными зданіями, такъ рельефно выступающими на окружающемъ ее фонѣ роскошнаго зеленѣющаго лѣса.

Чудное мѣсто занялъ Второ-Аѳонскій Успенскій монастырь! Мѣсто это самимъ Создателемъ какъ бы предназначено для существованія и процвѣтанія здѣсь св. обители. Расположившись высоко на горѣ между тремя отрогами, пріютившись на опушкѣ дремучаго лѣса у холоднаго источника чистой, какъ кристалль воды, обитель въ своемъ тихомъ уголкѣ

отрѣзана, изолирована отъ остального міра. Не проникаетъ сюда ни шумъ города, ни суета большой дороги; ничто не нарушаетъ сладкой тишины этого скромнаго и уютнаго мѣста. Никто не мѣшаетъ молиться; никто и ничто не отвлекаетъ мысли молящихся стѣ стремленія въ высъ, въ поднебесныя сфѣры, къ подножію престола Господня. Здѣсь сама природа, все окружающее насъ мірозданіе располагаетъ къ молитвѣ. Неописуемая красота мѣстности, дивныя горныя понорамы наводятъ человѣка на молитвенное настроеніе. Посмотрите въ эту сторону внизъ, на эти степи, пестрѣющія цвѣтами, точно узорный коверъ; посмотрите на эти тучныя поля, что растилаются предъ вашими глазами: они обѣщаютъ сторицею вознаградить трудъ пахаря; посмотрите дальше на эти громады, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, на этого двуглаваго великана, царя Кавказа; посмотрите, какъ на его бѣло-снѣжной вершинѣ переливаются лучи заходящаго солнца, и въ сердцѣ вашемъ невольно зародится молитвенное настроеніе, мысли ваши сами собою устремятся къ Тому, Кто сотворилъ эту неописанную картину красоты. Хочется молиться, хочется воспѣть Творца и Создателя такой дивной природы! Посмотрите на закатъ солнца, и изъ устъ вашихъ само собою польется высоко-поэтическое произведеніе давняго іерусалимскаго святителя: «Свѣте тихій, святія славы»... Здѣсь, именно здѣсь, могутъ находить утѣшеніе и успокоеніе страдальцы міра сего. Здѣсь алчущіе и жаждущіе правды насытятся. И дай Богъ, чтобы св. обитель росла и крѣпла на благо и утѣшеніе истинно-православныхъ людей. Дай Богъ, чтобы вѣсти о существованіи ея разносились по всей Руси православной, чтобы знали о ней и въ городахъ, и въ селахъ, и въ глухихъ деревняхъ, чтобы отовсюду людъ православный стекался сюда славить Бога. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что извѣстность юной и скромной обители, благодаря посѣщенію ея лицами, лечащимися на водахъ пятигорской группы, растетъ съ каждымъ годомъ. Многое бы можно было сказать о въ высшей степени благотворной дѣятельности монастыря и его иноковъ; но не этотъ предметъ вызываетъ настоящую замѣтку.

Итакъ, наканунѣ дня праздника св. апостоловъ Петра и Павла, въ субботу 28 іюня, я былъ уже въ обители. Пройду совершеннымъ молчаніемъ совершеніе здѣсь малой вечерни, и перейду прямо ко всенощной, или, какъ называютъ ее аѳонцы, «бдѣнію». И дѣйствительно, это было сдѣланіе въ полномъ смыслѣ настоящаго слова. Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстна продолжительность старо-аѳонскихъ службъ, и говорить объ этомъ было бы излишнимъ. Я хочу обратить вниманіе читателя на тѣ особенности аѳонскаго бдѣнія, отличающія его отъ нашего всероссійскаго всенощнаго бдѣнія, которыя для многихъ остаются совершенно невѣдомыми.

Начну съ того, что благовѣстъ къ бдѣнію раздался въ 8 часовъ ве-

чере, т. е. уже по захождені солнца. Бдѣнію предшествовало малое повечеріе, начало котораго: „Слава Тебѣ, Боже“, и „Царю Небесный“ произнесены самимъ служащимъ іеромонахомъ, по старо-аѳонскому уставу. Когда повечеріе закончилось обычнымъ отпускомъ—предъ царскими вратами поставленъ былъ выносной подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею. Отверзлись царскія врата, и вышедшимъ изъ алтаря, безъ облаченія, въ одной мантии, іеродіакономъ возглашено: „Возстаните!“ Сидѣвшіе въ различныхъ мѣстахъ храма поднялись съ своихъ мѣстъ, а іеромонахъ, въ мантии и епитрахили, окадивъ алтарь, вышелъ царскими вратами для кажденія иконъ иконостаса. Въ это время свѣтильникъ іеродіакономъ перенесенъ и поставленъ на средину храма. Когда кадившій, окончивъ кажденіе предъалтарнаго иконостаса, вошелъ въ трапезу храма для той же цѣли, свѣтильникъ снова возьметъ тѣмъ же лицомъ и поставляется уже въ притворъ, а когда іеромонахъ наконецъ достигаетъ его—онъ переносится и ставится на солеѣ. Такимъ образомъ, свѣтильникъ всюду предшествуетъ пресвитеру.\*) Это безмолвное кажденіе, это неоднократное прехожденіе свѣтильника съ мѣста на мѣсто въ сумракѣ надвигавшагося вечера какъ-то невольно дѣйствовали на душу, заставляя ее собраться самой въ себѣ и подготавливая къ достойному вступленію въ молитвенный подвигъ сейчасъ имѣющаго начаться бдѣнія.

Окадивъ храмъ и достигнувъ царскихъ вратъ, іеромонахъ возглашаетъ: „Господи, благослови!“ Діаконъ отвѣчаетъ: „аминь“. Послѣ обычнаго „Слава Святѣй“, произносимаго въ алтарѣ, сошедшаяся съ обоихъ ликовъ предъ царскими вратами братія особо величественнымъ напѣвомъ, или, какъ говорится въ церковномъ типиконѣ, „велегласно и косно“ воспѣваетъ: „придите поклонимся Цареві нашему Богу“ и затѣмъ расходится по клиросамъ. Царскія двери послѣ сего закрываются, а между тѣмъ подъ возгласы чтеца, стоящаго среди церкви, съ клиросовъ несется вдохновенный псаломъ Царя Давида, прославляющій величіе Божіе, открывшееся въ мірозданіи. Лютяся аѳонскіе напѣвы, а іеромонахъ въ это время предъ царскими вратами все еще въ мантии и епитрахили чететь „свѣтильничныя“ молитвы. Долго—долго раздаются эти вдохновенныя гимны и, вотъ, когда они наконецъ замолкають, іеродіаконъ начинаетъ великую эктению и только послѣ обычнаго возгласа удаляется въ алтарь.

Величественное „Блаженъ мужъ“ кievскаго распѣва и отчетливое, не торопливое, но и не медленное чтеніе остальныхъ псалмовъ первой каөизмы; „Господи воззвахъ“ и лѣніе съ канонархомъ стихирь „на подобны“.

\*) На великіе праздники іеромонаху предшествуютъ два свѣтильника при двухъ іеродіаконахъ.

Нужно имѣть очень много музыкальнаго вкуса, чтобы прочувствовать всю ту прелесть, которая заключается въ этихъ „подобнахъ“. А содержаніе стихирь, отчетливо передаваемое канонархомъ, становится достояніемъ уже всѣхъ молящихся, а не однихъ только пѣвцовъ. Входъ совершается настоятелемъ съ двумя іеромонахами и столькими же діаконами, облаченными въ бѣлыя священныя одежды. Когда соединившіеся лики поютъ: „Свѣте тихій,“ служащіе еще на солеѣ, и только при словахъ: „пришедше на западъ солнца“ движутся въ алтарь, а когда пѣвцы закончатъ пѣснопѣніе, они только одни, безъ всякаго посторонняго участія, поютъ: „достоинъ еси во вся времена“ и проч. Первый запѣвъ прокимна поютъ также одни священнослужащіе. Начинается чтеніе паремій, но царскія двери остаются открытыми, и служащіе не садятся, оставаясь въ моливленномъ положеніи предъ св. престоломъ. Врата не закрываются и во время сугубой эктени, и во время пѣнія особо трогательнымъ напѣвомъ: „сподоби, Господи, въ вечеръ сей“, несущимся съ клироса, и во время слѣдующей за нимъ эктени.

Когда послѣдняя возносится іеродіакономъ, пономарь постилаетъ въ западной части храма коверъ, ставитъ на него аналой, и возжигаетъ четыре свѣчи висящей люстры, но такъ, чтобы изъ нихъ выходилъ равномерный крестъ. Первенствующимъ произнесенъ возгласъ по эктени и два іеродіакона, съ, такъ наз., діаконскими зажженными свѣчами въ рукахъ, первыми выходятъ изъ алтаря. За ними—два іеромонаха въ облаченіяхъ и послѣ—настоятель также въ облаченіи. Іеромонахи проходятъ въ западную часть храма, а настоятель направляется къ праздничной иконѣ св. апостоловъ, принявъ которую, съ достоудожнымъ благоговеніемъ переносить на средину храма. Ему подають кадило, и при пѣніи литійныхъ въ честь св. апостоловъ стихирь, онъ, въ сопровожденіи обоихъ іеродіаконовъ, начинаегъ каженіе сначала апостольскаго образа, а затѣмъ и всего храма и молящагося въ немъ народа. И нельзя не признать изнесеніе праздничной иконы на средину храма на время литіи—этого чисто старо-авонскаго обычая—вполнѣ цѣлесообразнымъ. Невольно какъ-то тогда сосредоточивается мысль твоя или на празднуемомъ событіи, или на чествуемыхъ лицахъ. И было бы, думается, далеко не лишнимъ, еслибы и наши обители и храмы усвоили себѣ этотъ безусловно прекрасный старо-авонскій обычай.

Послѣ обычныхъ, положенныхъ по чину литіи, прошеній, возгласены были два новыхъ и совершенно для меня неожиданныхъ моленія: одно—о здравіи и спасеніи лицъ, записанныхъ въ монастырскомъ синодикѣ, другое—о вѣчномъ упокоеніи во блаженныхъ обителяхъ душъ прежде отшедшихъ отцовъ и братіи. Молитва: „Владыко, Многомилостиве“ читается

первенствующимъ, обращающимся на западъ, подобно тому, какъ она читается во дни св. четырехдесятницы.—Литія кончилась. Священнослужашіе переходятъ въ трапезу храма, пѣвцы—по клиросамъ, праздничная икона убирается на обычное ея мѣсто. Во время пѣнія тропаря столъ съ благословенными—хлѣбомъ, пшеницею, виномъ и елеемъ трижды кадится обоими діаконами. Псаломъ „Благословлю Господа“ поется обоими клиросами попеременно, во время чего первенствующій стоитъ въ царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ народу. Непосредственно по преподаніи народу предстоятелемъ благословія Господня предлагается молящимся приличествующее празднику слово.

Безъ всякихъ особенностей бдѣніе идетъ до конца первой каѳизмы, когда читается второе слово. По окончаніи же второй каѳизмы и обычной эктени, начинается торжественное пѣніе: „Хвалите имя Господне“, но царскія врата остаются еще заключенными, и священнослужители на средину храма еще не исходятъ, хотя праздничная икона уже возлежитъ посреди храма на аналогіи. Только при словахъ псалма: „рукою крѣпкою и мышцею высокою“... царскія врата отверзаются и діаконы съ зажженными свѣчами въ рукахъ первыми выходятъ на средину, за ними—остальные. Величаніе совершается обычнымъ порядкомъ, но послѣ него по клиросамъ продолжительное пѣніе избраннаго псалма съ многократнымъ повтореніемъ величанія. Послѣ эктени, слѣдующей за нимъ, и возгласа—священнослужители удаляются въ алтарь, гдѣ читается Евангеліе, и только при пѣніи: „Воскресеніе Христово видѣвше“ предстоятель, предшествуемый сослужителями, съ высоко держимымъ въ рукахъ Евангеліемъ, выходитъ снова на средину храма, гдѣ происходитъ лобызаніе Евангелія и праздничной иконы, при чемъ первыми прикладываются предстоятель и діаконы, а затѣмъ уже и остальные сослужители его. Когда начато было предстоятелемъ чтеніе Евангелія, пробило ровно 12 часовъ ночи. Канонъ читали два инока. По 6-й его пѣсни прочтено было изъ пролога слово на день св. апостоловъ. Но особенно трогателенъ былъ тотъ моментъ, когда оба лики поющихъ, соединившись на солеѣ предъ царскими вратами, величали вкупѣ „Честнѣйшую Херувимъ“ особо умилительнымъ аѳонскимъ напѣвомъ.\*) По отпустѣ утрени пѣнія: „Благочестивѣйшаго“ и проч. не было; оно отнесено аѳонцами къ окончанію перваго часа.

Когда закончилось бдѣніе, было 1 1/2 часа утра 29 іюня. Не смотря на продолжительность бдѣнія, къ тому же еще нѣсколько сокращеннаго

\*) Иногда здѣсь на хорахъ три мальчика поютъ пѣснь Богородицы, а клиросъ вторятъ имъ припѣвомъ: „Честнѣйшую“. И это мелодичное пѣніе, льющееся съ высоты, какъ бы съ неба, производитъ весьма сильное впечатлѣніе на богомольцевъ.

иноками немощи ради богомольцевъ, особеннаго утомленія не чувствовалося, такъ какъ и само по себѣ афонское пѣніе, то умиленное и какъ бы скорбящее о небесной отчизнѣ, то торжествующее о Божѣ Спасѣ своемъ, и чтеніе назидательныхъ поученій, и необычайность мѣста положеніе монастыря, расположившагося у подножія великой горы и съ трехъ сторонъ окруженнаго сплошною стѣною зеленаго лѣса. и прекрасное, теплое, облитое кроткимъ луннымъ свѣтомъ раннее утро — все способствовало какому-то особенно мирному и возвышенному настроенію духа. Не даромъ же православный народъ такъ полюбилъ эту обитель, что усердно стремится въ нее во дни праздниковъ. И напрасно бы многіе говорили о бесполезности продолжительныхъ богослуженій. Примѣръ налицо—все это многолюдное стеченіе богомольцевъ, собравшихся сюда изъ различныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, обитель по недостаточности своихъ матеріальныхъ средствъ, еще не можетъ предложить имъ достаточнаго помѣщенія. И, однако, эти неудобства не удерживаютъ благочистивыя души христіанскія отъ стремленія въ обитель. И въ этомъ великое значеніе обители для края и православія.

Стой же долго и счастливо св. обитель, горя какъ таинственная свѣча предъ престоломъ Божиимъ за грѣшный родъ человѣческой, какъ свѣтлый маякъ, указующій утомленнымъ пловцамъ житейскаго моря входъ въ тихую пристань—спасительную ограду св. Церкви. А ты, благочистивый любитель церковно-богослужебнаго благолѣпія, когда будетъ у тебя свободная минута, удѣли ее на посѣщеніе св. обители Успенія Богоматери и, повѣрь, —не раскаешься.\*)

Алексѣй Воскресенскій.

## Экскурсія къ г. Казбекъ учениковъ Владикавказскаго Духовнаго училища\*\*).

„Привѣтъ тебѣ, Кавказъ могучій.  
Привѣтъ вамъ, горы и лѣса!  
Твои вершины по-за тучей  
Уходятъ гордо въ небеса.....“

### I. Отъ Владикавказа до Реданта.

Сбылось давнишнее желанье! Исполнились мечты!.. 11 іюня, въ 12 час. дня, мы, помолясь Богу, выступили изъ училища въ горы. Насъ 14 че-

\*) Желающіе имѣть съ обителью письменныя сношенія благоволятъ адресовать корреспонденцію въ г. Пятигорскъ, Терской области, Второ-Афонскаго Успенскаго монастыря настоятелю іеросхимонаху Герасиму.

\*\*) Посвящается авторомъ Н. М. Чернавскому, Смотрителю Владикавказскаго Духовнаго училища, и всѣмъ участникамъ экскурсіи.

ловѣкъ: окончившіе въ нынѣшнемъ году духовное училище, ученики—Михеевъ, Куровицынъ, Закхеевъ, Лавровъ, Лапинъ, Чмутовъ, Никифоровъ, всего 7 ч.; трое учениковъ изъ III класса—Джемарджидзе, Сахаровъ и Шабалинъ; нашъ руководитель, учитель приготовительнаго класса, Ѳеод. Вас. Пасько съ племянникомъ, офицеръ Макаровъ и какой-то реалистъ, не считая проводника, грузина изъ ст. Казбекъ „Михако“, помощника повара училищнаго, и дрогаля, съ коими всего 16 лицъ.

Въ жизни нашего училища это событіе—огромнѣйшей важности: такъ какъ оно въ первый разъ посылаетъ своихъ питомцевъ на экскурсію. Предпріятіе это задумано выпускными учениками, при ближайшемъ сочувствіи и поддержкѣ глубокоуважаемаго Н. М. Чернавскаго, Смотрителя училища, коимъ даны были и средства на осуществленіе предпріятія въ пособіе къ собраннымъ по складчинѣ. Благодаря его содѣйствію и теплому участію къ нашей затѣѣ, нѣкоторымъ изъ насъ представилась возможность, быть можетъ, единственный разъ въ жизни, пережить такія минуты и извѣдать такія ощущенія, воспоминанія о которыхъ глубоко западутъ въ наши души и сердца. Долго мы учились; но только при Николаѣ Михайловичѣ увидѣли, что начальство заботится предоставить питомцамъ не одну лишь книжную премудрость, а и кое-что болѣе существенное и облагораживающее. Такъ относятся къ дѣтямъ лишь въ хорошей и дружной семьѣ.

Еще съ вечера наканунѣ мы уже были, какъ говорится, сами не свои. Окончаніе курса; полученіе свидѣтельствъ и наградъ; а впереди заманчивая даль—взвинтили до нельзч. Слѣдовало бы отдохнуть, успокоиться, хорошенько выспаться передъ дорогой; но не тутъ-то было. Ночь летѣла незамѣтно. Сонъ—не сонъ, а какое то полузабытье и бредъ о завтрашнемъ днѣ. Утромъ пили и ѣли наспѣхъ. Всѣ бѣгали, суетились; торопили всѣхъ и cadaго и съ нетерпѣніемъ ждали 12 часа. Минуты тянулись нестерпимо долго. Наконецъ, все уложено. Всѣ собрались на училищномъ дворѣ; помолились, попрощались, взяли посохи въ руки и двинулись въ путь. Позади ѣхали дроги, нагруженныя нашей одеждой, провизіей и посудой. Запасовъ, по приблизительному расчету, взято на три дня, а пробыть въ дорогѣ хотѣлось дней пять. Нашъ маршрутъ туда: Девдоракскій ледникъ, станція Казбекъ и церковь на горѣ. Обратно: Столовая гора и монастырь возлѣ Реданта. Кое-кто посмѣивался надъ нашимъ рвеніемъ и пыломъ, но мы чувствовали себя героями. Говорили: „Дай, Боже, посмотрѣть вамъ, какъ слѣдуетъ, хотя бы одни ледники, и то хорошо“. ... Такъ и вышло. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

На счастье все время экскурсіи (11—14 іюня) стояла чудная погода. Новыя условія прямо таки подгоняли. Мы рвались, спѣшили вонъ, за городъ, и чуть-чуть не разбрелись. За городомъ—маленькая остановка, какъ сборный пунктъ... и нотація отъ Пасько о томъ, что бороться такъ и

козлячиться не слѣдъ: иначе прежде времени подобются ноги и выйдетъ весь „порохъ“. Но мы, грѣшнымъ дѣломъ, мало обратили вниманія на егѳ буркотню. Да и какъ было иначе? Ширь, просторъ!.. Первый разъ... Мы вольныя птицы... „На горы, на горы идемъ!“ А онѣ впереди. Зовуть и манять насъ. Дразнятъ, сулятъ намъ цѣлый рай... Общему настроенію поддался и нашъ ворчунъ. Зашагалъ живѣе. Сталъ вспоминать случаи изъ своихъ пѣшехожденій и до умору всѣхъ смѣшилъ экспромтами въ стихахъ.

За кадетскимъ корпусомъ, вблизи уже Реданта, обогнала насъ длиннѣйшая линейка. Въ ней натискано было чуть не съ три десятка маленькихъ кадетъ въ самыхъ неудобныхъ, но и живописныхъ позахъ. Съ ними же ѣхалъ офицеръ и солдатъ. Отправлялись, кажется, на охоту. Въ рукахъ у каждаго по ружью. Кто-то крикнулъ: „Сторонись, бѣднота! Генералы ѣдутъ!“ Но и мы съ зубами, — отвѣтили въ томъ же духѣ. Еще не опередили они насъ и на сто сажень, еще мы перекидывались шутиливо перебранкой, какъ вдругъ одинъ кадетикъ подскочилъ вверхъ, всплеснулъ беспомощно руками и, словно собираясь летѣть, бултыхнулъ прямо въ лужу. За нимъ другой, третій. Не успѣли мы и ахнуть, какъ всѣ „наши генералы“ посыпались съ линейки, кто-куда. Большинство свалилось въ придорожную канаву. Тамъ была водица и грязца: довольно таки мягко. Мы остановились, поразинувши рты. Что такое? Отчего? Видимъ лошади взбѣсались, помчались обратно. Лишь одинъ бѣдняга, уцѣпившись за грядки, повисъ позади линейки. Ну, думаемъ, конецъ пришелъ. Однако, Богъ миловалъ. Лошадей поймали, успокоили и вернули назадъ. Перепугались, перепачкались, но отдѣлались благополучно. Подошли мы къ мѣсту крушенія и наши бурсачки стали острить. „Генераловъ“ разжаловали въ „мурзилки“, но тѣ, спасибо, не обидѣлись. Лишь офицеръ ихъ промолвилъ: „Да, господа, смѣйтесь! А у насъ—первый блинъ и вышелъ комомъ.“ — „Ничего, ваше благородіе, что комомъ, лишь-бы не коломъ“ съязвилъ таки Пасько. Вся молодежь зафыркала отъ смѣху. Пообчистились, усѣлись и на прощанье прокричали: „До свиданья, бурсачки!“ — „Прощайте, кулички.“ — „Счастливо шататься!“ — „А вамъ въ лужицахъ купаться!“ Гомерическій хохоть заглушилъ остроты. Только ихъ и видѣли: быстро, быстро покатили; а мы „пѣшедраломъ“ поплелись. Пасько и тутъ не преминулъ въ юмористически-серьезномъ тонѣ развести рацею о вредѣ и даже безнравственности ѣзды и о многополезности, чуть-ли не душеспасительности, пѣшехожденія. Мы было заинтересовались, вдругъ кто-то крикнулъ: „Господа, смотрите! Что это такое?“ Такъ душеспасительность и осталась недосказанною... Смотримъ: къ намъ ползуть по дорогѣ ежи, не ежи; дикобразы, но не звѣри; вѣрнѣе—цѣлые вороха метелокъ и вѣнниковъ. Дви-

жутся, подымаются, безъ ногъ, безъ колесъ, и прямо на насъ. Мы въ сторону. А оказалось, это шель цѣлый караванъ ишаковъ, такъ искусно нагруженныхъ, что не видно ни головъ, ни ушей, ни хвостовъ, ни копытъ. Было чему удивиться и испугаться. Недаромъ и лошади взбѣсились. На Редантѣ на минутку остановились, выпили чуть не весь лимонадъ и зашагали дальше. Пасько было заманивалъ посѣтить монастырекъ (рукой, дескать, подать), но мы отказались, обѣщавъ заглянуть на обратномъ пути.

## II. Отъ Реданта до Балты.

За Редантомъ—предгорье, вѣрнѣе же, первый рядъ горъ Кавказа. Дорога идетъ по—надъ Терекомъ и жметъ поближе къ утесамъ. Обозъ нашъ уѣхалъ впередъ. Ему приказано найти на Балтѣ укромное мѣстечко съ чистымъ ручейкомъ; остановиться, развьючить поклажу и приготовить къ нашему приходу чай и холодный обѣдъ. Мы же тѣмъ временемъ потихоньку шагаемъ впередъ. Обозрѣваемъ природу, заглядываемъ во встрѣчныя ущера, взбираемся на холмы, срываемъ цвѣты и всякія травы. Одинъ нашель каменную губку; другой оригинальную удилку; третій принялъ кусочекъ стекла за слюду и хрусталь; а одинъ притащилъ кусокъ антрациту. Каждый несъ, что ему нравилось и казалось достойнымъ вниманія. Все это, и еще что найдемъ, предполагалось сохранить и принести въ даръ училищу. Жаль только, что предположенія не сбылись. Нѣкоторые, увидя въ зеркально-спокойномъ ручьѣ рыбу, выказали было аппетита надолвить форели и сварить на привалѣ уху. Но кто-то прочелъ на столбѣ ужасную надпись: „Здѣсь лавить рипэй строха васъ прыщъ айца“. Посмѣялись, съ тѣмъ и пошли. Однако, не смотря на „васъ“ и на „прыщъ“, увидѣли дальше знакомаго І. И. Иванова, поставщика обуви на наше училище, который съ семьей и знакомыми расположился на другомъ берегу ручейка и преспокойнѣйшимъ образомъ ловилъ „рипэй“. Тутъ же, на берегу, кипѣлъ самоваръ; варилось что то въ котелкѣ (вѣроятно, уха) и жарился шашлыкъ. Слюнки у насъ потекли. Животы-то давно подвело, а до привала еще далеко. Мы, какъ тѣ гоголевскіе тезки, пустились на хитрость. Остановились, вѣжливынко поздоровались и хотѣли было затянуть кантату на 9-й гласъ: авось, что-нибудь перепадетъ. Это угадалъ Ивановъ и сталъ усиленно приглашать раздѣлить съ нимъ хлѣбъ и соль. Мы обрадовались. Но горе: око видитъ, зубъ нейметъ. Отколъ и какъ не заходили, а все ручей мѣшалъ. Иначе, какъ на дорогахъ, переправиться нельзя. Повертѣлись, повертѣлись и поблагодарили: сыты-де, спасибо за привѣтъ. Пришлось уйти, не солно хлебавши. Только Пасько остановился. Чрезъ ручей перенесли ему хлѣба, сыру, стаканъ вина и шашлыку. Мы были уже на довольно порядочномъ разстояніи, какъ онъ догналъ и даже перегналъ насъ. Поровнявшись, Пасько спародировалъ басню „Лисица

и виноградъ“ и помчался дальше, предоставивъ насъ самимъ себѣ... Жарко душно. Усталость беретъ. Въ утробахъ львиное рыканье, а привала все не видно. Пришли на Балту и даже прошли; исчезъ Пасько, исчезъ и обозъ. Наконецъ таки, версты черезъ три за Балтой, подъ обрывомъ увидѣли разложенный костеръ и нашу линейку. Доплелись кое-какъ и сдѣлали приваль. Съ жадностью набросились на чай и на ѣду. За одинъ присѣсть чуть не покончили всего. Дважды кипятили чай. Насытившись, разлеглись на травѣ, приподнявши ноги вверхъ, и стали передавать другъ другу впечатлѣнія. Нѣкоторые даже вздремнули. Отдыхали вволю. А нашъ присяжный репортеръ Михеевъ усѣлся на камешкѣ въ сторонкѣ и записывалъ въ памятную книжку все, что видѣли очи и слышали уши. Такъ прошло часа два съ полсвиною.

## II. Отъ Балты до Ларса (Дарьяль).

Отъ Балты до Ларса дорога замѣтно поднимается въ гору. Мы снова нагаемъ. Предъ нами скоро предсталъ и грозный Дарьяль въ подавляющей мощи и красотѣ своихъ вершинъ, проходовъ и стремнинъ. Шея устала отъ задиранья головы вверхъ, а между тѣмъ все хотѣлось смотрѣть и смотрѣть. Отвѣсно и жутко нависшія скалы; бездонныя пропасти; зеркальные ручьи; искристые водопады; ревъ Терека; узкая дорога; шумъ внизу; эхо отъ шума сверху; пронзительно-плачевные крики какихъ-то черныхъ птицъ: все это въ общемъ представляло хаотически—чарующую картину и навело на насъ неизъяснимо жуткое и восторженное состояніе. Всѣ невольно приумолкли. Чувствовалось что-то необычное: не то страхъ, не то тоска, не то смутныя воспоминанія о чемъ-то давно позабытомъ. Даже Пасько, который смѣшилъ всю дорогу, сталъ какъ-то торжественно серьезенъ. Вступивши въ проходъ подъ скалою „Пронеси Господи“, онъ остановился, поднялъ руки вверхъ и громко закричалъ: „Аллахъ! Аллахъ! Аллахъ!“ Что-то безконечно—безпредѣльное, грозно—могучее и ветхозавѣтно первобытное чуялось въ этихъ словахъ. Нигдѣ они такъ болѣе не понятны, какъ здѣсь, и нигдѣ это имя грознаго Іеговы не подходитъ болѣе къ Богу, какъ именно здѣсь. Наше мягкое и близкое къ человѣку „Боже“ тутъ жалкое слово... Ощущенія ошеломляюще сильны и неожиданно новы... Вотъ, вотъ, казалось, увидимъ Аллаха въ нестерпимомъ блескѣ молній, въ ужасномъ грохотѣ громовъ и рокотѣ горъ. Это въ ясную, тихую погоду. А какія мысли, какія чувства взволнуютъ душу, если застанеть здѣсь путника гроза, непогодъ и буря!?... Нервы натянулись, какъ струны. Мысль какъ-то особенно прояснилась и углубилась, доходя моментами до реальной видимости. Тутъ понятенъ и еврейскій Іегова, и Моисей на Синаѣ, Илія на Хоривѣ и Господь Іисусъ Христосъ на горѣ искушенія. Здѣсь же повсюду мерещится и Лермонтовскій Демонъ. О первыхъ дняхъ воспо-

минанья тѣснятся именно толпой.. Словно повязка упала съ очей; мы будто просыпались и что-то прозрѣвали.

Кстати: дальше Пасько указаль намъ на двѣ вершины, которыя, по словамъ его, удивительно какъ похожи: одна на Фаворъ, не особенно высокая, съ пологими скатами и веселыми рощницами, съ развалинами возлѣ не то города, не то замковъ, а другая—на гору Испушенія: голая, грозная, мрачная, вся изрытая пещерами, съ вертикальными обрывами и пропастью внизу. Указывая на послѣднюю, Пасько изрекъ по гречески изъ евангелія слова испушенія Господа нашего Иисуса Христа діаволомъ въ пустынь. „Что это значитъ?“ посыпались вопросы. Наконецъ, мы перевели: „прыгни отсюда“—„Да, аще Сынъ еси Божій, верзися долу!“ добавилъ онъ. И почудилось всѣмъ, будто у входа въ пещеру, на самой вершинѣ горы, сидитъ задумчиво Спаситель. А около Него стоитъ, склонившись, мрачный Духъ соблазна съ распростертыми крыльями и, указывая внизъ, шепчетъ на ухо: «верзися долу.»

Все это мы видѣли и переживали собственно у входа въ Дарьяль. Въ самомъ же Дарьялѣ природа еще грознѣй, еще мрачнѣй. Прямо таки ужасна. Дорога совершенно суживается и боязливо лѣпится подъ нависшими массивами горъ. Горы хмуро сдвигаются и молчаливо наступаютъ, какъ-будто не желая пропускать и ежеминутно готовясь раздавить смѣльчаковъ. Оглянешься назадъ,—кажется, горы сомкнулись; глянешь впередъ,—будто дорога уперлась въ горный массивъ. И конецъ ей. Ни дальше впередъ, ни обратно вернуться нельзя.. Тутъ тайна и ужасъ.. Мрачно, дико и жутко; жутко до смерти. Не видно даже и вершины: укрылись въ сѣдыхъ облакахъ, какъ абреки въ шапкахъ и буркахъ. Только кое-гдѣ просвѣчиваютъ временными кусочки яснаго, синяго неба. Кажется, окна изъ бездны геенской на области рая.. Подобіе ада. Отовсюду несутся какіе-то странные, страшные, дикіе звуки: ревъ, завыванья, шипѣнья и свистъ; шелестъ невидимыхъ крыльевъ, скрежетъ звѣриный, и хохотъ, и лязгъ. А временами изъ-подъ земли слышится пушечный грохотъ. То впереди пробиваютъ новый путь, но намъ показалось иное. Будто собралась демоновъ стая. И выются, кружатся надъ нами; хохочутъ и грозно кричатъ: „Куда вы; куда вы? безумцы, забрались?? Не смѣйте ни шагу впередъ!..“

Но мы все идемъ, и идемъ. И безъ того чувствовали себя не ахти тельно, а тутъ еще Пасько окончательно разстроилъ всѣхъ своими разсказами о горной „чертовщинѣ“. Да, тутъ именно мѣсто всякой нечисти, изступленности, безумствамъ, дикимъ насильямъ и крови. Горы грозятъ..

На одной вершинѣ увидѣли гиганта съ дубиной въ рукахъ. Онъ го-

товъ былъ ринуться на насъ. Если бы не острота Пасько, что сей истуканъ, „зракомъ зрящи на востокъ,“ стоитъ ужъ тысячу лѣтъ, мы бы и вправду подумали, что насъ подстерегаетъ живое чудовище. Подобныя фигуры встрѣчаются нѣсколько разъ. Что это? Фантазія ли разстроеннаго воображенія или же неясная мысль вѣчно живой матеріи и творческаго духа? Идешь и видишь на вершинахъ: то чудовищнаго звѣря, то монаха въ капюшонѣ; то женщину съ младенцемъ; то гиганта-великана; то цѣлый городъ съ башнями, бойницами и стѣнами; то алтарь или даже цѣлый храмъ и т. п. А на подъемѣ къ Ермоловской будкѣ, виднѣется въ пропасти цѣлый ауль съ живыми существами. Есть туда и коварная тропинка. Кажется, ступилъ внизъ сто, двѣсти саженъ и—отдохнешь подъ крышей горца. Путь заманчивъ и пріятенъ. Но горе тому, кто поддастся подобной иллюзіи! Не долетитъ и до дна бездны, какъ костей не соберешь. Проводники такъ и называютъ это мѣсто „Шайтанъ-ауль“. Не одинъ поплатился жизнью за свое любопытство.. Ближе къ Ларсу дорога снова расширяется и идетъ, какъ будто внизъ. Не такъ страшно и мрачно. Быть можетъ оттого, что нервы и ноги порядкомъ устали. Нашло равнодушіе ко всему. Дорогой примочило дождичкомъ. Слава Богу, выбрались!

Въ Ларсѣ пришли вечеромъ того же дня. Мѣстечко это зовется селеніемъ, но въ дѣйствительности не больше, какъ хуторъ. Не насчитывается въ немъ и двухъ десятковъ дворовъ. Есть убогенькая церковь, духанъ и казачья казарма. Вопросъ о ночлегѣ. Остановиться намъ въ духанѣ—и дорого, тѣсно; а пожалуй и предосудительно. Поэтому Пасько повелъ всѣхъ на казачій постъ съ надписью надъ дверями „входъ постороннимъ лицамъ строго воспрещается.“ Переговорили съ урядникомъ; тотъ доложилъ офицеру, и насъ пустили на ночлегъ. Спасибо, большое спасибо г.г. казакамъ и ихъ офицеру!.. Дали чуть ли не на каждого по буркѣ, теплые тулупы, два тюфяка, двѣ подушки, лампы и, вдобавокъ, вскипятили кубъ для чая. Расположились мы на нарахъ, можно сказать, по генеральски. Спасибо и О. Нестору Бакурадзе!\*) Сынишка его принесъ намъ въ подарокъ сначала кувшинъ, а потомъ и цѣлую макитру молока и еще кругъ сыру.

Начались приготовленія къ чаю, ужину и ночлегу. А тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ насъ вмѣстѣ съ Пасько успѣли побывать въ старинной башнѣ надъ холмомъ, что при пути; другіе же отправились къ ручейку мыть ноги и грѣшное тѣло,—по совѣту казаковъ.

Сладокъ былъ намъ отдыхъ въ казачьей казармѣ. Послѣ ужина нѣсколько человекъ стали было жаловаться на боль въ колѣняхъ и щикол-

\*) Священникъ с. Ларса.

кахъ. Имъ по совѣту купили для растиранія ногъ спирту (во избѣжаніе растяженія жилъ) и закатали каждому по пяти гранъ хины. Улеглись, угомонились, и позаснули. Ночь прошла спокойно. Хотя нѣкоторые и бредили, а человѣка два—три и вовсе не спали, увлекшись разсказами, но на утро чувствовали себя бодрыми и здоровыми.

(Продолженіе будетъ).

## Извѣстія и замѣтки.

*Архіерейское служеніе.* 15 іюня, въ храмовой праздникъ въ Крестовой церкви, посвященной памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра, изволилъ совершить литургію и наканунѣ всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Гедеонъ, Епископъ Владикавказскій и Моздокскій. За литургіей Его Преосвященствомъ посвященъ въ стихарь экономъ архіерейскаго дома Іеромонахъ Фалассій.

*Изъ старообрядческаго міра.* Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года старообрядцами г. Владикавказа, пріемлющими священство Бѣлокриницкой іерархіи, подано было заявленіе въ Терское Областное Правленіе о разрѣшеніи имъ образовать религіозную общину по закону 17 окт. 1907 г., согласно которому требуется, между прочимъ, чтобы заявленіе было подписано не менѣе 50 лицами. Такъ какъ въ числѣ подписавшихъ заявленіе были, между прочимъ, женщины и нижніе чины, состоящіе на службѣ, то ходатайство Владикавказскихъ старообрядцевъ сначала было отклонено временнымъ генераль-губернаторомъ, а потомъ утверждено по собраніи законнаго числа подписей. 13 іюля указъ Терскаго Областнаго Правленія объ открытіи общины былъ объявленъ въ старообрядческой моленной, гдѣ служилъ ихъ священникъ І. Ловягинъ.

— Въ ст. Савельевской убитъ злоумышленниками, при попыткѣ обокрасть старообрядческую моленную, священникъ ихъ Крючковъ.

*Покушеніе на воровство въ часовнѣ.* Въ ночь на 21-е іюня неизвѣстные злоумышленники пытались обворовать часовню, находящуюся въ концѣ Сергіевскаго бульварчика, но попытка злодѣевъ не удалась. Одинъ изъ злоумышленниковъ намазалъ кусокъ бумаги медомъ, а затѣмъ проломалъ стекло въ окнѣ часовни и, такимъ образомъ, злодѣй безшумно пробрался во внутрь часовни. Тутъ грабитель успѣлъ оторвать жестянную кружку, предназначенную для сбора пожертвованій, въ которой находилась небольшая сумма денегъ. Кружка была найдена близъ часовни, брошенная злоумышленникомъ при преслѣдованіи.

*Переселенцы—крестьяне.* Въ половинѣ истекшаго мая изъ прихожанъ церкви поселка Ново-Кременчугскаго выселилось въ предѣлы Эриванской и Елизаветпольской губерніи одиннадцать семей, изъ которыхъ 3—право-

славныхъ, 5—Новоизраильтянъ и 3—Старохлыстовъ. Всего за май выселилось изъ предѣла прихода 51—семья. Выселяющіеся крестьяне уже не въ первый и не во второй разъ испытываютъ тугу переселенія. Большинство изъ нихъ годовъ 15—20 тому назадъ, а нѣкоторые и совсѣмъ недавно выселились изъ центральныхъ губерній Россіи и прежде чѣмъ поселиться въ приходѣ п. Ново-Кременчугскаго успѣли пожить осѣдло въ мѣстахъ 2—3. Живя въ п. Ново-Кременчугскомъ и имѣя  $\frac{1}{4}$  до 50 десятинъ собственной земли на семью, крестьяне запахивали не одну тысячу десятинъ земли, арендуемой ежегодно у сосѣдей Кабардинцевъ (3 аула). Въ былые дни цѣны арендныхъ были ничтожны: отъ 1—р. до 2-хъ рублей за десятину. Теперь же возросли до 25 р., — и то только можно купить у жителей одного аула. Два же другихъ аула отказали въ арендѣ крестьянамъ. Причину отказа служить будто бы то, что Кабардинцы сами теперь, вслѣдствіе увеличившагося населенія, не имѣютъ достаточно свободной земли—это съ одной стороны; а съ другой и то, что крестьяне, арендуя землю, старались не о качествѣ обработки, а о количествѣ обработанной земли, истощали ее, собирая съ нея все, что называется, до корня. Съя же маслячные продукты, напр. подсолнухъ, вспалывая его, тѣмъ самымъ не давали возможности расти отавѣ, драгоценной для скотоводовъ Кабардинцевъ, пригоняющихъ осенью стада съ горныхъ пастбищъ.—И вотъ, оставшись безъ земли, крестьяне выселяются. При выселеніи они полны золотой надежды—гдѣ-то „тамъ“ удовлетворить свое завѣтное желаніе (каждаго малоросса)—пожить среди простора „отдѣльнымъ хуторкомъ“. Предполагаетъ выселиться еще до 80 семей въ Сибирь, въ губерніи Акмолинскую, Енисейскую и Тобольскую; послано 6 ходоковъ

Священникъ П. Сваицкій.

**СОДЕРЖАНІЕ. Часть оффиціальная.** Перемѣны по службѣ.—Вопросы Съѣзду духовенства отъ Правленія Владикавказскаго Духовнаго училища.

**Часть неоффиціальная.** Второ-Аеонская веношное бѣднѣ. Алексѣя Воскресенскаго.—Экскурсія къ г. Казбекъ учениковъ Владикавказскаго Духовнаго училища.—Извѣстія и замѣтки.

И. д. Редактора неоффиціальной части Н. ЧЕРНАВСКІЙ.

Печат. разрѣш. 19 июля 1908 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.

Владикавказъ, Электротпечатня П. К. Григорьева.